

В.М. Мапельман

Общенаучные проблемы космического будущего человечества

Статья посвящена рассмотрению космических сценариев развития земной цивилизации, особенностям их формирования, философско-этической (аксиологической) составляющей научных исследований в отношении моделирования космического будущего человечества.

Ключевые слова: космос; космонавтика; естествознание; наука; научные прогнозы; ценности; моральные принципы.

На исходе второго тысячелетия нашей эры перед человечеством отчетливо встала проблема не просто возможности дальнейшего его пребывания на планете Земля, но и вообще существования. Развиваясь на протяжении практически всей своей истории стихийно, оно не раз приближалось к губительной черте, но накопленные в процессе выхода из кризисных ситуаций исторический опыт и знания об отдельных аспектах реального мира и закономерностях протекающих в нем явлений оказались неприложимы к условиям, становящимся господствующими на планете с середины XX века. Общество не смогло конструктивно отнестись к процессам глобального масштаба, выработать адекватную им манеру поведения. Более полувека понадобилось ему только для того, чтобы признать сам факт обновления мира подобного объема и многообразия. Чрезвычайно энергичные темпы развития и взаимодействия естественных и социогуманитарных процессов почти не оставили времени на исследование и научное осмысление особенностей функционирования сложившихся сложных, единых, синтетических, постоянно изменяющихся процессов и явлений, а все возрастающее стремление человечества к улучшению условий своей жизнедеятельности порождали действия, последствия которых еще более усложняли ситуацию. Конфликтность положения усугублялась тем, что вовлеченными в процесс оказались связи и отношения, выходящие за пределы нашей планеты.

Традиции в осознании перспективных явлений и прогностический опыт, накопленный наукой в предшествующие эпохи, оказались не приспособленными к освоению будущего в подобном ракурсе. А ведь многие научные изыскания еще с конца XIX века начали принимать космические очертания. В XX столетии человечество вышло в космос. Оно не просто перестало себя ограничивать познанием бытия планетарного масштаба, а приступило к освоению вселенной, связывая с ней и свое собственное будущее. Такая перспектива поставила перед

современной цивилизацией целый ряд вопросов, решение которых позволило бы осуществлять прогнозирование взаимоотношений между людьми не только в обновляющихся условиях существования, но и с учетом контактов с возможными иными, внеземными формами жизни и разума. Космическая перспектива развития человечества на сегодняшний день является одной из важнейших не просто научно-исследовательских, но и практических задач земной цивилизации.

Попытки создания космических сценариев ее развития, теоретических и методических разработок, направленных на поиск жизни и разума во Вселенной, переосмысление процесса космогенеза длительное время были сориентированы на решение вопроса о физической сохранности человечества. Именно поэтому первыми данной проблемой серьезно заинтересовались представители естествознания. Затем к ним присоединились теософы, опиравшиеся на сверхъестественное. Постепенно проблема «Что нас ждет?» наполнилась задачей «Как это осуществить?» и трансформировалась в поиск ответов на вопрос «Для чего это необходимо?». Однако каждый из них требовал иной методологической и методической основы, хотя все они нуждались в серьезной философской базе.

Современные же методологи науки, в том числе и отечественные, вопрос о параметрах космической перспективы человечества практически не затрагивали, полностью сосредоточившись на теории познания.

Возможность охватить единым исследовательским взглядом сформировавшиеся проблемы и заглянуть в будущее мироздания (в том числе и общества) одними из первых попробовали русские космисты. Явление это в интеллектуальной жизни России и новое, и во многом традиционное. В последние годы ведется довольно активная работа по уточнению самого понятия, анализу его оснований (например, [4; 12; 15]). Появляются монографии, сборники, антологии. По мере реализации этих исследований выявился тот факт, что целостное, одухотворенное, гармоничное восприятие мира как живого и нравственного всеединства было характерно для русской культуры с языческих времен. Оно нашло свое воплощение во всех формах религиозного, научного и художественного творчества.

Однако по мере знакомства с работами, посвященными этому феномену русской теоретической мысли, обращает на себя внимание ряд особенностей. Первая — это разделение всеединства на слабо взаимодействующие между собой составляющие: «живое» и «нравственное». И если «живое» анализируется, как правило, посредством естественно-научных методов и оценивается исходя из критериев наук о природе, то «нравственное» осваивается обычно в традициях религиозного или, что реже, эстетического мировосприятия.

Вторая особенность проявилась в том, что нравственное подменяется моральным и рассматривается не поведенческий, деятельный аспект человеческого существования, а его идейный, рекомендательный слой: идеалы, ценности, цели, принципы, оценки, нормы. В этом случае внимание концентрируется на некоем абсолютно благом (безжизненном) варианте поведения

или действия и при этом утрачивается тем самым одна из основных характеристик нравственности — свобода в выборе поступка. Обыкновенно в подобных случаях термины «мораль», «нравственность» и «этика» не различаются и используются как синонимы.

Третья особенность выражается в сближении представлений о научной истине и моральном добре, то есть истинное знание нередко квалифицируют как несомненное благо. Довольно широкое распространение получили и суждения о разуме как наивысшей ценности и гаранте нравственности.

В русском космизме нашел свое воплощение процесс натурализации научного сознания. Однако нельзя не отметить и тот факт, что в его рамках была предпринята одна из первых попыток охватить единым видом мировосприятия природный мир и социальную среду. В качестве базовых наук выступали не только традиционные для естествознания физика и математика, но и химия с биологией во всеоружии их последних открытий.

Попытки создания целостного учения о мире космического диапазона, обновление его картины путем включения в нее социального бытия предполагалось осуществить усилиями всего научного сообщества, но объединить поиски естественных, технических, точных, социальных и гуманитарных наук для решения подобной задачи не удалось. И произошло это прежде всего в силу игнорирования естественниками специфики социального познания, отказа от учета его методов и форм, откровенного стремления ограничиться в поисках универсальных законов функционирования мироздания исключительно собственными научными принципами.

К попыткам обновить картину мира с учетом последних научных достижений почти не привлекались историки, этнографы, филологи, искусствоведы и даже географы. Исключение коснулось, пожалуй, лишь философов. Однако привлечение философского материала тоже нельзя назвать удачным, ибо осуществлялось оно выборочным порядком. Опора делалась, как правило, на работы философов натуралистического, позитивистского, прагматического направлений, которые выполняли в основном иллюстративные функции.

Выбор привлекаемых философских и мировоззренческих концепций ничем не обосновывался, отвергаемые подходы критически не зондировались. Данная ситуация бросалась в глаза на фоне серьезного, разнообразного, многопланового рассмотрения открытий, оригинальных идей и проблем в науках о природе, сопровождавшегося сопоставлением точек зрения и позиций отечественных и зарубежных ученых.

При этом в отношении перспектив развития социума подразумевалось стремление к некоему всеблагому состоянию. Ориентация ученых (в основном естественников) на абсолютные идеалы, универсально позитивные формы существования как бы раскалывали формирующиеся концепции на две слабо связанные между собой составляющие. В природно-описательной своей части исследовались процессы динамичные, многоплановые, прогрессирующие.

В ценностной же (аксиологической) составляющей демонстрировались финальные установки и ориентиры с предельными характеристиками. Развитие в социальных и духовных процессах допускалось лишь в стремлении к достижению абстрактных конечных результатов, да и то по законам, аналогичным природным процессам. А так как этот аналог не срабатывал, то многие натуралисты вынуждены были обращаться к необычным для себя формам познания ненаучного характера, чаще всего религиозным. Пытались разрешить это противоречие и путем создания «научной» (по правилам естествознания) этики.

Энергичное, конфликтное, кризисное развитие мировых процессов второй половины XX века все более свидетельствовало о том, что социальная реакция на обновление действующих связей и отношений становится все более непредсказуемой и неуправляемой. Рост аморализма и безнравственности, разнообразие форм их проявления говорили о том, что данные процессы распространились и на область науки. Сложившаяся ситуация требовала не столько быстрого обновления принципов и ориентиров, сколько изменения мотивации и способов их воплощения. Но уже приближалось время, когда и сами традиционные требования морали могли оказаться исчерпанными.

В первые ряды научных проблем второй половины XX века выдвинулись задачи глобального диапазона. Вместе с тем признание их наличия не повлекло за собой возникновения соответствующей синтетической формы познания данного явления. Более того, человечество в новых условиях продолжало действовать инерционно в соответствии с традиционными принципами и не стремилось кардинально изменять себя и свое поведение. Правда, необходимо отметить, что мораль непосредственно не стимулирует закрепления новых ценностей, а знание не порождает привычек в поведении. Мораль, не подкрепленная нравственностью, даже в обновленном варианте остается бессильной и начинает компрометировать самое себя. Сложность ситуации усугубляется тем, что этика почти не участвовала в исследовании глобальных проблем.

Проблемы подобного рода практически до настоящего времени осваиваются крайне неравномерно. В несколько особом положении оказалась, пожалуй, лишь экология. Постигание, научное познание ее дилемм осуществлялось и осуществляется намного эффективнее. Но и здесь главный ориентир сфокусирован на природе, нередко до полной утраты смысла понятия «экология». Именно природе уделяется принципиальное внимание, ее закономерности принимаются в качестве ведущих, она подчиняет себе соотношение «человек – природа – общество», что делает решение задачи его гармонизации весьма проблематичным.

Вместе с тем необходимость постижения механизмов регулирования взаимодействий между людьми и средой обитания (природной, социальной, культурной), их жизненная актуальность признаются всеми учеными. Возможно, поэтому тематика, связанная с принципами поведения, становится характерной для исследователей, весьма далеких от философских и социальных проблем. Такого рода работы, созданные представителями естественного

и технического знания, можно разделить на четыре группы по диапазону приложения вырабатываемых выводов и(или) рекомендаций.

К *первой* группе надо отнести труды специально космического характера. В них социально-философские составляющие крайне скудны, обычно они являются дополнительными и непринципиальными элементами разработки вопросов о возможности жизни во Вселенной, о наличии там цивилизационных образований. При всей серьезности и аргументированности предложенных материалов из области физики, химии, астрономии, геологии, географии, техники и биологии, социальное знание в них разрозненно, бессистемно, фрагментарно, построено аналогично естественно-научному (например, [2]).

Вторая группа работ связана с проблемами глобального диапазона, где упоминание о социальных процессах всегда присутствует, но из их системы вычленяется какой-либо структурный элемент, считаемый автором самым принципиальным, и на нем сосредотачивается основное внимание. Именно в работах такого рода стал довольно часто использоваться термин «*глобальная этика*», очень слабо разработанный до настоящего времени, насыщенный моральными декларациями о важности защиты и охраны природы (например [14]).

Третью, самую многочисленную группу работ, составляют труды по экологической проблематике. Однако подавляющее их большинство в содержательном отношении ограничивается в основном вопросами существования и функционирования природных процессов в современном мире. Во многих работах такого рода гуманитарные составляющие обычно не затрагиваются или не подвергаются научному анализу. Термин же «*экологическая этика*» используется для довольно прямолинейных и жестко связанных с природными процессами рассуждений о важности заботы обо всех живых системах от насекомых до млекопитающих, в том числе и о человеке (например [3; 11]).

Четвертую группу работ составляют труды, посвященные биоэтике. Несмотря на довольно настойчивые и, надо сказать, перспективные попытки расширить область данного научного направления, до настоящего времени биоэтика ограничивается моральными аспектами применения новых специфических технологий в биологии и медицине. Как философские, так и естественно-научные ее варианты концентрируют свое внимание на аспектах нормативного регулирования отношений «*пациент – врач*», «*исследователь – биологический объект*». Однако основные нравственные цели во всех этих случаях либо остаются за кадром, либо воплощаются в тревогу риторического характера. Современную биоэтику, по нашему мнению, справедливее было бы называть биолого-медицинским морализаторством. Именно потому, что в основном она стремится внести гуманистические мотивы в профессиональную деятельность людей, связанных с непосредственным физическим и психическим вмешательством в существующие биологические системы и прежде всего в решение вопроса о видах и формах ответственности ученых за последствия, возникающие в результате применения их творческих выводов (например [13]).

Вообще разработка социально-этической проблематики в нефилософской научной среде со второй половины XX века набирает силу. Это свидетельствует о признании повышения актуальности проблем социального характера, их тесной связи с процессами прежде всего естественно-природного порядка. Вместе с тем исследователи продолжают тяготеть к созданию оптимального завершенного образца морального звучания. Именно поэтому они стремятся к поиску высших предельных ценностей, среди которых особо выделяются две — человеческая жизнь и ненасилие. Однако человеческая жизнь рассматривается в отрыве от культурных параметров, что фактически сводится к физической сохранности и поддержанию существования в благоприятных естественных условиях. Ненасилие представляется через отсутствие, недопущение или изживание конкретных отношений деструктивного (чаще всего политического или правового) характера, свойственных нашему времени или ближайшему прошлому. Рекомендации желаемого поведения в этих случаях крайне неконкретны и вневременны.

Предлагаемые образы гармоничного общественного организма воплощаются в тщательный подбор увязанных между собой позитивных характеристик и перечисление негативных проявлений, от которых чрезвычайно важно освободиться. Никаких попыток определить источники социального развития и их связь с природными процессами на отдаленную перспективу не предпринимается. При этом почти все исследователи считают, что такое общество должно обязательно развиваться, и непременно прогрессивно.

Попытки выделить абсолютные, общечеловеческие ценности довольно быстро привели ученых, занимающихся такого рода поисками, к теологическим вариантам обоснования моральных ориентиров. В них аргументация нередко подменяется авторитетом выдающихся мыслителей. Происхождение и природа моральных ценностей связывается исключительно со сверхъестественными (религиозными) источниками. И хотя для подобной позиции есть определенные условия, обычно религиозное содержание замыкается на христианской доктрине (или еще уже, на православной).

Предлагаемые концепции индивидуализированы; личностный принцип в них выделяется особо. Нередко речь идет об элите (научной и творческой) как носителе знаний, культуры, нравственности. Высшей ценностью из перечисленного считаются знания, позволяющие личности предстать в качестве уникального феномена, достойного со стороны общества особого почтения и гарантированной сохранности.

Практически все концепции XX века, в которых рассматриваются перспективы развития общества, крайне рационалистичны и, по сути, существенно не отличаются от своих предшественников, впервые появившихся еще в XVIII веке и получивших наибольшее распространение в веке XIX. Вместе с тем в них, как в зеркале, отражаются социальные проблемы, связанные не только с космическим будущим человечества, но и с современностью,

а попытки их теоретического разрешения лишний раз демонстрируют тот факт, что чем ниже падают нравы, тем выше свою планку поднимает мораль. Они не компенсируют друг друга и не соотносятся как взаимосвязанные элементы природного организма. Обострение всех жизненных процессов, быстрое их приближение к конфликтности и катастрофичности поднимает популярность религиозных настроений и делает привлекательными нравы прошлого времени. Попытки же подменить нравственность моралью приводят к обесцениванию многих человеческих качеств, ибо доброта, справедливость, честность и другие аналогичные параметры уходят из повседневной практики и заменяются разговорами по их поводу.

В настоящее время все в большей степени проявляется зависимость будущего человечества от космоса. Признание этого факта, привычное для естественных и технических наук, в философском и гуманитарном знании стало осваиваться сравнительно недавно. Прогнозирование в этих сферах познания в основном ограничивается ближайшим будущим, рамками нашей планеты и идеей необходимости неременной сохранности человека как естественно-культурного феномена. В последнее время, в связи с осознанием обществом реальности угрозы исчезновения нашей цивилизации под давлением последствий ее стихийного воздействия на среду своего обитания и целого ряда особенностей политических отношений, заметно активизировалась познавательная прогностическая деятельность. Признание губительности войн и нарушения экологических связей практически ни у кого не вызывает сомнений. Вместе с тем значительно сложнее осуществляется процесс осознания того факта, что аналогичный итог возможен и как следствие чрезвычайного распространения эгоизации всех слоев общества и потребительства в качестве лидирующего стимулирующего мотива жизнедеятельности людей.

Переосмысление ценностных ориентиров на рубежных этапах развития общества осуществляется, как правило, в силу отрицательного отношения к господствующим в это время образцам. Мораль, отрываясь от нравов, выражает не только запросы будущего, но и констатирует набор нежелательных правил для настоящего. Нравы же, складывающиеся благодаря влиянию социокультурных условий бытия на всем протяжении конкретного исторического периода, обладают инерцией традиций и для них характерна определенная автономия (от моральных рекомендаций) существования. Это обстоятельство чрезвычайно важно учитывать в связи с тем, что носителем определяющих идеалов и культурных ориентиров в конце XX века начинает выступать не предшествующее поколение, а поколение, вступающее в жизнь. «Инновации» в современном обществе однозначно оцениваются позитивно, а возможность их негативных последствий просто не допускается. Современная цивилизация чрезвычайно опасается повтора, даже на «более высоком уровне», нравов предыдущих периодов. Отчетливо прослеживается потребность развития способности мобильного обновления моральных ориентиров, выработки гарантий их нравственного обеспечения.

Попыток социального прогнозирования в общепhilософском плане с учетом космических перспектив человечества немного. Нередко за них пытаются выдать гипотетические образы желаемого будущего, в которых аргументация заметно потеснена эмоциональностью и искренностью авторов. Нравственные составляющие в них могут не находить своего места, могут присутствовать, могут сливаться с другими структурными элементами. В целом предлагаемые варианты распадаются на четыре группы: научно-рациональные, религиозно-рациональные, абстрактно-philософские, социально-philософские.

Научно-рациональная традиция проектирования социального будущего характерна для большинства ученых и философов, связанных с теоретическими и экспериментальными исследованиями в целях поиска жизни во Вселенной. Проблемы обеспечения таких поисков, идентификации перспективных объектов или их фрагментов как культурных, выработки языков-посредников решаются прежде всего с позиций естественно-научного подхода и математических методов. То, что не подчиняется этим принципам и законам, предлагается осваивать исходя из таких элементов культуры, как, например, игра и искусство. Цивилизации в данном случае рассматриваются вне связи с условиями их происхождения, истории и источников развития. Учитывается лишь разнообразие их современных модификаций и особенностей проявления в процессе контактов между собой.

Для сторонников данного подхода характерной является уверенность во всеисилии науки и безграничности ее возможностей. отождествляя любое достоверное знание с научным и ограничивая причины его развития природными источниками, они делают выводы о том, что общество не может и никогда не могло существовать без наук. Наука же сама по себе нравственно нейтральна (например [1]).

Представленные во второй группе религиозно-рациональные позиции восходят к точке зрения А. Швейцера, получившей чрезвычайно широкое распространение в отечественной философии второй половины XX века. Строгое научное обоснование специальных вопросов дополняется в ней этической мистикой, базирующейся на искренней вере в изначально присущие человеку добро и гуманизм (например [16]).

В абстрактно-philософском плане рассмотрение вопроса о перспективах космического развития цивилизации начинается с работы Э.В. Ильенкова «Космология духа» [5]. После нее анализ проблемы смысла и цели существования человечества получает новый импульс, позволивший отойти от преобладавших до этого религиозного и вульгарно-спекулятивного подходов. Для его сторонников бесспорна финальность человеческой цивилизации.

Современная философия осторожно (в основном постановочно) «прошупывает» разнообразные подходы к проблеме соотношения человека и Вселенной, предлагая варианты энтропийный и антиэнтропийный, финальный и бесконечный, эволюционный и революционный, поступательный и циклический,

поисковый и самоизоляционный, человекобожественный и богочеловеческий и так далее. Во всем этом многообразии лишь очень немногие касаются социальных аспектов будущего человечества.

Особую группу составляют варианты социально-философского характера. Диапазон рассмотрения в них затрагиваемой нами проблемы колеблется от попыток обосновать полную несостоятельность ее постановки до проработки отдельных характеристик проявления процесса в ходе его реализации. Вместе с тем абсолютное большинство работ по философии истории, социальной философии, философской футурологии вообще не касается вопроса космических перспектив развития человечества. В них анализируются, как правило, варианты и пути выживания земной цивилизации в условиях нашей планеты. Признание плюралистичности в решении проблемы будущего не сопровождается в футурологических построениях моделированием возможных социокультурных процессов в космосе. В том же случае, когда взгляд исследователей направляется за пределы нашей планеты, воспроизводятся обычно позиции Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского.

Отдельно необходимо выделить философские работы, авторы которых стремятся воссоздать целостный процесс эволюции Вселенной с учетом земных интеллектуально-культурных процессов на базе междисциплинарного подхода. Наиболее интересными в этом отношении являются, по нашему мнению, труды А.П. Назаретяна [9–10]. Ему, пожалуй, одному из немногих удалось довольно убедительно обосновать свой вариант космического «сценария» прогрессивной эволюции, привлекая широкий диапазон естественных, психологических, философских, культурологических дисциплин, не отдавая предпочтения ни одной из них. Ему же принадлежит умелое вплетение этической проблематики в изложение общей концепции и определение принципиальной роли морали в данном процессе.

В современной этике прогностические труды очень редки. Увидевший свет в 1990 году библиографический справочник по этике указывает лишь одну работу по космической этике. За прошедшее время положение принципиально не изменилось, заметно не расширился круг философов, заинтересовавшихся этическим и тем более космическим прогнозированием в данной области знания.

Философы, так или иначе затрагивавшие проблемы отдаленного будущего общества, сходятся на том, что субъект отношений в этих условиях должен измениться не просто значительно, а принципиально. Его образ, складывающийся уже в настоящее время, довольно рельефно прописал В.А. Кутырев: «Торжество искусственного в отношениях между людьми трансформирует общество в социо-техническую систему, заменяя непосредственное общение его членов коммуникацией. Связывая людей информационно, коммуникация разделяет их эмоционально. Искусство, религия, мораль, философия, культура в целом переживают тот же этап — рационализируются и интеллектуализируются, становятся беспочвенными. Даже наука, взятая как открытие и исследование мира,

терпит поражение, вытесняясь мыследеятельностью, проектированием. На судьбе человека как родового существа все это отражается в появлении нового агуманного, постисторического индивида, *Nomofuturus*. Хотя субстанционально он живой, природный, функционально и духовно он становится роботообразным, искусственным. Ему уже придумано красивое имя: гомутер (гомо + компьютер). Развитие и прогресс в одном отношении всегда есть регресс в другом. До XX века прогресс шел за счет природы. Теперь он пошел за счет культуры и человека» [8: с. 138–139, 140]. И как бы мы ни относились к подобной перспективе, стремясь ее стимулировать или предотвратить, очевидно, что в любом случае она будет сопровождаться процессом переоценки ценностей.

Это не связано с выработкой абсолютно новых ориентиров, не задействованных в социальных отношениях до настоящего времени, ибо ценностью они могут стать лишь при условии их длительной включенности в социальную практику. Речь идет о перераспределении иерархии ценностей, уточнении смысла их конкретных составляющих с учетом особенностей современной цивилизации и грядущего ее развития.

Наименее перспективными нам кажутся предложения, связанные с возвратом к естественным истокам нравственности, характерным для архаичных социальных систем. Ссылки на их высокоморальный потенциал в культуре конкретных народов, духовное родство с моральными ценностями других этносов практически ничем не обоснованы. Эти предположения носят скорее ностальгический, чем научно-реалистический характер.

Малоубедителен и опыт перенесения обновленных ценностей науки на всю палитру ценностей. Признание важности аксиологического контроля в теоретическом знании и выдвижение на передовые рубежи научного творчества ориентации на культуру имеет непосредственное отношение к области социального поведения. Но прорабатывается, как правило, лишь его рациональная составляющая, а деятельная затрагивается довольно приблизительно. Подобным же образом исследуются ценностные аспекты в экологической области, ограничиваясь экологическим сознанием и разнообразием форм его проявления. Так как ценности непосредственным образом связаны с потребностями, то авторы данных разработок рассматривают в основном экологические потребности. Однако затем они распространяют свои выводы на иные сферы, уже не возвращаясь к вопросам потребностей. В этом случае предлагаемые рекомендации имеют завышенно абстрактный, ослабленный ценностный смысл со смещенными приоритетами.

Попытки создания в современных условиях этических кодексов, рассчитанных на отдаленное будущее в развитии человеческого общества, обладают рядом общих особенностей. Во-первых, для них характерна проработка исключительно моральной составляющей, обращенность к сфере сознания. Во-вторых, жесткое размежевание добродетелей и пороков как проявлений морального добра и морального зла, способных к автономному существованию. В-третьих, скрытая

или явная ориентация на религиозно оформленные нравственные ценности (характерные в основном для христианства как в ветхозаветном, так и в новозаветном вариантах). В-четвертых, априорное допущение наличия непреходящих, вечных нравственных ценностей (являющихся, по сути, ценностями морали). Эти признаки получили свое воплощение в попытках создания оригинальных вариантов Декалога, большинство из которых принадлежит выдающимся представителям науки XX века (А. Эйнштейну, Б. Расселу, А.Д. Сахарову, Д.С. Лихачеву, А.Д. Александрову). В тех же случаях, когда авторы стремятся прописать свод нравственных ценностей в расчете на космическую перспективу, как правило, их предложения воспроизводят идеи, колеблющиеся в диапазоне от А. Швейцера и Н.К. Рериха до К.Э. Циолковского и А.Л. Чижевского.

На сегодняшний день бесспорным признается факт зависимости будущего человечества от космоса. В рамках данной перспективы просматривается ряд отношений, в которых учет особенностей поведения играет принципиальную роль. Их можно подразделить на две группы: процессы, сориентированные в основном на интересы и потребности земной цивилизации, и процессы, в которых учитывается возможность наличия иных разумных систем во Вселенной.

Многие конкретные науки рассматривают связи, характерные для первой группы, их специфику и особенности функционирования. Среди них хотелось бы особо выделить следующие отношения: последствия для общества космических исследований; влияние космической индустрии на сферы экономики, политики, культурную и природную среду; эффект преобразовательной деятельности человека в космосе; условия привлечения его к космическим исследованиям и творчеству в данном направлении. При изучении подобных процессов осуществляется, как правило, абстрагирование от каких бы то ни было культурных последствий, отслеживание исключительно позитивных результатов, применение критериев, характерных для естественно-научной и технической деятельности.

Проблемы, прямо или косвенно связанные с космическим будущим земной цивилизации, могут быть познаны лишь при условии всестороннего к ним подхода. Забвение какой-либо составляющей этой искусственно формируемой ситуации (или попытки зачислить некоторые из них в разряд второстепенных) чреваты болезненными последствиями. Рекомендации, выработанные с учетом таких ограничений, могут спровоцировать положения технологически и социально опасные. В нравственном отношении участники рассматриваемых процессов окажутся не подготовленными к выбору поступков и будут вынуждены свои действия или их последствия объяснять соображениями целесообразности, здравого смысла, безвыходности и тому подобное, то есть будет иметь место самооправдание и жажда безответственности.

Среди отношений подобного рода специально необходимо остановиться на положении участников космических исследований и космической

деятельности, прежде всего космонавтов: изучение и уточнение целей, областей, задач и содержания профессиональной деятельности космонавтов; методы и средства подготовки космонавтов и экипажей космических пилотируемых аппаратов; эффективность деятельности космонавтов; правовое регулирование профессиональной деятельности космонавтов; социальная защита космонавтов; отбор кандидатов для подготовки и выполнения пилотируемых космических полетов; совершенствование эргономических характеристик космических пилотируемых аппаратов. Простое перечисление поставленных задач свидетельствует о предпочтительном внимании исследователей к вопросам экономического, правового, медико-психологического и технического характера. Обращает на себя внимание тот факт, что среди гуманитарных, духовных, педагогических, личностных аспектов деятельности космонавтов вопросы морально-нравственные не находят себе места даже при определении готовности участника к полету.

Вторую группу сторонников социального космического будущего отличает уверенность в том, что наша цивилизация, весьма возможно, не является единственной во Вселенной. В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Какими методами должны осуществляться поиски разумных сил вне Земли, чтобы не нанести урон, в том числе и культурный, человечеству и не вызвать конфликт в отношениях с другими мирами? Можно ли прогнозировать пути развития глобальной ценностной системы при условии ее включения в более емкую разумную космическую общность? Какова должна быть поведенческая тактика жителей нашей планеты при контактах с представителями внеземных цивилизаций? Как избежать морально-нравственного кризиса или конфликта, порождаемого неизбежными потерями и изменениями, возникающими в процессе расселения разумных существ в космосе?

При всей крайней сосредоточенности исследователей на процессах физического, химического, биологического, технического порядка они стараются максимально ответственно подойти и к вопросам социальным, обратив основное внимание на нормативную сторону. Именно среди такого рода материала и находит свое место этическая и правовая проблематика. А точнее, не сама этика и право, а метаэтика и метаправо. В результате нередко рекомендации по поводу взаимоотношений человека с иными высокоразвитыми системами спрессовываются с иными проблемами, как правило, глобального, экологического или биологического характера [6–7].

Обсуждаемая ситуация, кроме того, порождает проблему, очерченную еще в трудах К.Э. Циолковского: каково должно быть отношение к планете Земля у человечества после его выхода в космос и расселения там. Ведь наша планета не обычное космическое тело. В результате длительного существования на ней разумных существ, их бурной, постоянно расширяющейся культурной деятельности она превратилась в особую сферу, которую невозможно однозначно отнести исключительно к природным объектам. Каковы

реальные принципы, нормы, идеалы, ценности действующих в ее пределах субъектов и как они проявляются в приложении к планете, с которой люди собираются расставаться или уже расстаются? Ведь она была не просто средой обитания, но и аккумулятором и носителем нашей культуры, областью воплощения ее результатов, местом пребывания материализованных исторических памятников. Все это в иных, тем более космических, условиях может потерять ценность, значение и даже смысл (а уж измениться должно непременно). Надо ли бороться за продление ее жизни? Есть ли смысл в поддержании ее функционирования искусственным путем, вопреки естественным вселенским процессам, ведущим ее к гибели? Есть ли предел допустимости использования данного небесного тела для нужд разумных цивилизаций? Как поступать с историческими и художественными реликвиями Земли? Эти вопросы имеют отчетливо выраженный нравственный оттенок, и лишь с его учетом могут быть осуществлены поиск ответов на них и выработка способов решения. Анализ данных позиций позволяет говорить о тех ценностных ориентирах, с которыми человечество выходит в космос и готовится к встрече и взаимодействиям с иными разумными цивилизациями.

В связи с этим проявляется еще одна задача социального плана: способна ли наша мораль содействовать контактам с представителями разумных сил космоса, не даст ли сбой нравственность социума? Наступило то время, когда необходимо начинать подготовку к возможным изменениям в этой сфере нашей жизнедеятельности.

При этом необходимо учитывать довольно распространенные мнения о высоком уровне развития гипотетических представителей иных цивилизаций по сравнению с земными жителями. Основанием для таких заключений, как правило, выступают допущения о возможности ими достигать различных точек Вселенной. Однако даже если не брать в расчет все спорные аспекты данного критерия, контакт с внеземными формами разумного существования и сам факт подобной встречи не могут свидетельствовать ни о наличии у них такого феномена, как нравственность, ни о степени его развития.

На общем фоне рассматриваемых проблем энергично заявляет о себе еще одна — о профессионально-нравственных принципах поведения ученых, занимающихся космосом, вопросами уфологии, космической экологии и близкими к ним аспектами. До недавнего времени процесс формулирования правил подобного рода осуществлялся в основном в режиме дифференциации. К таким исторически традиционным формам поддержания профессионального морального престижа, как врачебная, судебная этика, добавились этика ученого и инженера, военного и педагога, журналиста и деятеля искусства и многие другие. Число подобных сводов правил растет, нередко способствуя не столько гармонизации отношений профессионалов с обществом, сколько оправданию изоляции их от других людей через жестко очерченную границу меры ответственности.

Несомненно, к ученым космической ориентации имеют отношение все требования и принципы этики науки, предостерегающие их от субъективизма, волюнтаризма, безразличия к иным сферам научного знания или их носителям. Однако факты современной действительности говорят о том, что многие выводы гуманистической направленности делаются не на основе теоретических изысканий, а исходя из общей эрудиции, интуиции и развитого воображения. Бесспорно, порочными являются сенсационность в науке, точнее, погоня за ней; подчинение исследований заранее заданной «рабочей гипотезе»; подбор аргументов под провозглашенную идею; предложения другим опровергнуть собственную необоснованную декларацию; подмена научного доказательства иллюстрациями, ссылками на факты или авторитеты; неразборчивость в методах исследований; бесцеремонность в отношениях с коллегами и исполнителями и ряд других.

Интеграционные процессы в научном знании, чрезвычайно развившиеся в настоящее время, позволяют ограничить неизбежную в любом профессиональном труде односторонность. Они же обуславливают требования к обновленному образу ученого, закрепляя это в соответствующих кодексах. Без четко развитой нравственной составляющей в деятельности ученых невозможно ни постижение, ни обновление исторического бытия людей. Чтобы проникнуться ответственностью за будущее судьбы человечества, они должны не ограничиваться определением причин процессов и расчетом их результатов, а быть способными предлагать адекватные им методы осуществления, балансирующие цели и средства, результаты и их последствия.

Исследования, связанные с космическими процессами, как никакие другие, предполагают изначальный учет интересов отдельных людей и человечества в целом. Ведь прогресс знания в данном направлении неизбежно несет с собой тяжелые психологические переживания, крушение многих надежд, потерю чувства социальной устойчивости. От болезненных социально-психологических последствий, порожденных осознанием своей включенности в общекосмическую систему, личность могут защитить нравственные ценности, способствующие обновлению и обретению смысла жизни.

В наши дни вклад в науку перестает быть единственным мерилем ценности труда ученого. Именно поэтому адресованный ему современный моральный кодекс должен складываться из требований, сориентированных не только на моральные образцы, но и на нравственный выбор «меньшего зла». Способность к стыду, состраданию, угрызениям совести, чувству вины, здоровой зависти, терпимость поддерживают нравственность нередко крепче, чем знания об исключительно позитивных характеристиках и примерах образцовой праведности. Как заметил сразу после войны А. Эйнштейн, говоря о судьбе коллег: «Физики находятся сегодня в положении Альфреда Нобеля, который изобрел мощнейшее взрывчатое вещество своего времени — “пиксолин”. Чтобы покаяться, чтобы успокоить свою человеческую совесть,

Нобель назначил премию за борьбу за сохранение и достижение мира. Сегодня физики, которые способствуют изготовлению самого страшного и самого опасного оружия всех времен, испытывают подобное чувство ответственности, другими словами, чувство вины» [17: с. 207]. Не случайно выдающийся физик ставил тех, кто способен сформулировать и обосновать моральные ценности, выше умеющих делать научные открытия.

В ходе реформирования профессионального кодекса поведения ученого важно учесть и то, что заключенные в нем требования должны способствовать в первую очередь не нравственному преобразованию отдельной личности, а гуманизации обстоятельств, среды, в рамках которой она функционирует и существует. Кроме того, оценка ценностных ориентаций должна быть сфокусирована прежде всего на методах научного познания. Развитие профессиональной морали ученых при условии учета космического будущего человечества должно принимать все более нравственную ориентацию.

Очерчивая круг проблем, связанных в настоящее время с социальным прогнозированием, нельзя не упомянуть еще об одной — экспертной. В настоящее время создается огромное число проектов, в том числе и космических. Полное отсутствие в их экспертизе этической составляющей чревато серьезными социальными последствиями. Именно выяснение этих аспектов должно помочь ответить на вопрос, будет ли дальнейшее разумное освоение и преобразование космоса благом или злом. Никакая степень рациональности или материального благосостояния не способна освободить общество от нравственных пороков, ибо моральные принципы и поведение, на них основанное, не являются автоматическим следствием уровня научно-технического, производственного и интеллектуального развития.

Наиболее распространенные в настоящее время варианты экспертизы гуманитарной направленности — государственная, научно-техническая, экологическая — сосредоточены на решении своих задач и довольно специализированы. Долговременные прогнозы, связанные как с будущим нашей планеты, так и с процессами, происходящими в космическом пространстве, осуществляются в отношении природных объектов и на основе методологии естествознания. Заключение же, содержащее в себе этические моменты, возможны лишь при условии проведения комплексных, междисциплинарных, культурно-психологических экспертиз. Сложность их связана с неоднозначностью определения субъекта и объекта экспертного вывода. Сохраняя привычную связь субъектно-объектного характера, участники исследуемых отношений одновременно являются и субъектами, и объектами (нередко подобные связи характеризуются как субъектно-субъектные, правомерность чего нам кажется спорной). Особенностью данного рода экспертных заключений является и то, что факторы нравственного характера имеют смешанные показатели, включая в себя как элементы позитивного, поступательного, так и рискованного, тормозящего свойства. Методы этического познания несут на себе серьезную аксиологическую и деонтологическую нагрузку, а индукция

и телеологическо-причинный подход играют в этом процессе принципиальную роль.

С учетом сказанного этическая составляющая экспертизы социальных проектов должна, по нашему мнению, включать в себя следующие позиции. Во-первых, она должна выявлять нравственные цели проекта, определять степень их относительности и абсолютности. Для этого важна согласованность в формулировках основных моральных понятий и критериев нравственности. Важно осуществлять анализ (для определения специфических особенностей) и дедукцию (для вычленения универсальных характеристик) рекомендуемых норм, оценок, принципов и предлагаемых ценностей, устанавливать основания их иерархии и взаимозависимости.

Во-вторых, необходимо оценивать рекомендуемые к воплощению заявленные ориентиры нравственных действий. Прежде всего, речь идет о нравственности предлагаемых средств: их согласованности с выдвинутыми целями, возможности реализации, приемлемости для различных социальных групп. Кроме того, оценке должны подвергнуться все виды санкций (виды общественной реакции, осуждающей или приветствующей совершенные действия ответным воздействием): воздаяния (связанные с ценностями), поощрения (связанные с признанием заслуг в достижении целей), наказания (действия отдельных людей, коллективов или общества в отношении допустивших провинность). Разбор через соотнесение с идеалами должен коснуться рекомендуемых к выработке и закреплению привычек и навыков. А также важно рассматривать прогнозируемый процесс с точки зрения реализации моральной свободы (степенью возможности осуществления морального выбора) и нравственной ответственности (мерой участия в сущем и влиянием на должное).

В-третьих, должны быть сделаны заключения по поводу нравственности мотивов поведения и поступков, степени их бескорыстия. Важно выявить, какие моральные чувства и нравственные качества должны быть задействованы для достижения выдвигаемых моральных целей и реализации ценностных установок. Оценка побуждений требует учета психологических аспектов нравственности. Кроме того, экспертиза должна выявлять наличие или отсутствие рекомендаций по технологии реализации нравственных целей (организационные мероприятия, меры воспитания и образования и др.).

В том случае, когда социальной экспертизе должны подвергаться проекты космической ориентации, принципиальное звучание приобретает такой параметр, связанный с областью ценностей, как вопрос о смысле жизни. При допущении обязательного сохранения и поддержания социальной формы существования (в том числе и за пределами планеты) выстраиваются два сценария. Первый связан с признанием конечности человеческой жизни. В этом случае этическая наука может предложить множественные варианты дилеммы между эгоистическими (гедонизм, корпоративизм, перфекционизм и т. д.) и гуманистическими

(альтруизм и др.) подходами определения ее смысла. Второй исходит из бессмертности существования человека. В этом случае проблема смысла жизни постепенно сужается до проблемы жизни, решаясь в режиме естественно-научного подхода. В последние годы все более заявляет о себе третий, формирующийся в настоящее время, сценарий. Его характеризуют две особенности: акцентирование внимания на принципах возможных связей с иными разумными субъектами космоса и специфика отношений с космическими объектами природного характера. Как одна, так и другая составляющие философски не проработаны. Однако вопрос о смысле существования (жизни) является в этом случае принципиальным.

Обилие проектов, имеющих глобальное, общепланетарное и космическое значение, а также многочисленные попытки их внедрения делают задачу предварительной экспертизы таких гипотетических построений жизненно важной. Отсутствие в ней раздела, анализирующего планируемое социальное поведение, позволяет игнорировать сферу нравственных отношений, индифферентно относиться к провоцируемому поведению, стимулировать технику оправдания любых поступков и их последствий. Вместе с тем нельзя забывать, что обновленные концепции подобного рода обычно обращены ко всем и, как правило, большинством признаются на начальных стадиях исторических периодов, но на завершающих этапах они глубоко индивидуализируются и даже эгоизируются. Это, в свою очередь, провоцирует пассивность (прострацию) одних и авантюризм (экстремизм) других. Будущее определяется настоящим, которое нередко хочет сохранить себя, несмотря ни на что. Задача социальной философии в этом случае — определять соответствующую базу поведения, предупреждать об объективных позитивных и негативных тенденциях в данном направлении и готовить к ним субъектов социальных отношений.

Литература

1. *Астрономия и современная картина мира*. М.: ИФАН, 1996. 247 с.
2. *Будущее Вселенной и будущее нашей цивилизации*. М.: Кудесники, 2002. 354 с.
3. *Горелов А.А.* Социальная экология. М.: ИФАН, 1998. 262 с.
4. *Иван Ефремов и русский космизм: сб. науч. ст.* СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 361 с.
5. *Ильенков Э.В.* Космология духа // *Наука и религия*. 1988. № 8. С. 4–7; № 9. С. 16–19.
6. *Кричевский С.В.* Аэрокосмическая деятельность. Междисциплинарный анализ. М.: Либроком, 2012. 384 с.
7. *Кричевский С.В.* Космонавтика XXI века: Попытка прогноза развития до 2101 года. М.: РТСофт, 2010. 864 с.
8. *Кутырев В.А.* Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // *Вопросы философии*. 1998. № 5. С. 135–143.
9. *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2015. 512 с.
10. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: Мир, 2004. 358 с.

11. *Реймерс Н.Ф.* Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия молодая, 1994. 367 с.
12. Русский космизм: философско-антропологический проект: сб. науч. ст. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 456 с.
13. *Сгречча Э., Тамбоне В.* Биоэтика. М.: ББИ, 2002. 413 с.
14. *Силин А.А.* Великое обретение. На пути к глобальной этике. М.: Знание, 1989. 64 с.
15. Философия русского космизма и будущее мировоззрение: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2014. 244 с.
16. *Швецер А.* Культураиэтика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
17. *Einstein A.* Aus meinem späten Jahren. Stuttgart: Deutscheveria-ges-Austalt, 1952.

Literatura

1. *Astronomiya i sovremennaya kartina mira.* М.: IFAN, 1996. 247 s.
2. *Budushhee Vselennoj i budushhee nashej civilizacii.* М.: Kudesniki, 2002. 354 s.
3. *Gorelov A.A.* Social'naya e'kologiya. М.: IFAN, 1998. 262 s.
4. *Ivan Efremov i russkij kosmizm:* sb. nauch. st. SPb.: SPbGIE'U, 2012. 361 s.
5. *Il'enkov E'.V.* Kosmologiya duxa // Nauka i religiya. 1988. № 8. S. 4–7; № 9. S. 16–19.
6. *Krichevskij S.V.* Ae'rokosmicheskaya deyatel'nost'. Mezhdisciplinarnyj analiz. М.: Librokom, 2012. 384 s.
7. *Krichevskij S.V.* Kosmonavtika XXI veka: Popy'tka prognoza razvitiya do 2101 goda. М.: RTSoft, 2010. 864 s.
8. *Kuty'rev V.A.* Post-pred-giper-kontr-modernizm: konczy' i nachala // Voprosy' filosofii. 1998. № 5. S. 135–143.
9. *Nazaretyan A.P.* Nelinejnoe budushhee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psixologiya v global'nom prognozirovanii. М.: Argamak-Media, 2015. 512 s.
10. *Nazaretyan A.P.* Civilizacionny'e krizisy' v kontekste Universal'noj istorii. М.: Mir, 2004. 358 s.
11. *Rejmers N.F.* E'kologiya (teorii, zakony', pravila, principy' i gipotezy'). М.: Rossiya molodaya, 1994. 367 s.
12. *Russkij kosmizm: filosofsko-antropologicheskij proekt:* sb. nauch. st. SPb.: SPbGIE'U, 2012. 456 s.
13. *Sgrechcha E', Tambone V.* Bioe'tika. М.: BBI, 2002. 413 s.
14. *Silin A.A.* Velikoe obretenie. Na puti k global'noj e'tike. М.: Znanie, 1989. 64 s.
15. *Filosofiya russkogo kosmizma i budushhee mirovozzrenie:* sb. nauch. st. М.: MGPU, 2014. 244 s.
16. *Shvecer A.* Kul'turaie'tika. М.: Progress, 1973. 343 s.
17. *Einstein A.* Aus meinem späten Jahren. Stuttgart: Deutscheveria-ges-Austalt, 1952.

V.M. Mapelman

General Scientific Problems of Space Future of Humanity

The article is devoted to the cosmic scenarios of development of terrestrial civilization, peculiarities of their formation, philosophical and ethical (axiological) component of scientific research in regard to modeling space future of humanity.

Keywords: space; cosmonautics; natural science; science; scientific predictions; values; moral principles.